

УДК 808.53

РОЛЬ СИНХРОНИСТОВ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ДИСКУРСЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Хечошвили Николай Робертович,

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялте,
Институт экономики и управления,
студент 2-го курса,
Ялта, Крым, Россия,
E-mail: 1234-nikolay@bk.ru

Аннотация

Сейчас, по истечению многих десятков лет, ныне живущим Нюрнбергский процесс представляется простой формальностью или же наигранным фарсом, но при критическом объективном взгляде понимаешь – он был и остается самым важным судебным процессом в человеческой истории. Это была дискуссия между обвинителями и обвиняемыми, между двумя державами, двумя народами, двумя идеологиями. Но исследуя этот незаурядный феномен, зачастую забываешь о тех, благодаря кому весь мир узнал о том, как фашизм был побежден и осужден второй раз, уже не силой оружия, а силой закона. Речь идет о переводчиках-синхронистах.

Ключевые слова:

Нюрнбергский процесс, фашизм, переводчики-синхронисты, правосудие.

Нюрнберг. Небольшой опрятный городок, находящийся в северной части Баварии, он всегда рад приветствовать гостей уютном своих улиц и богатством истории. Рассматривая жизнерадостных, миролюбивых жителей этого города и созерцая тишину старинных переулков, сложно поверить, что в этом городе, в прошлом веке имели место быть события, играющие одну из первостепенных ролей в истории человечества...

Нюрнбергский процесс является первым крупным интернациональным мероприятием на котором была применена методика синхронного перевода. До этого попытки применить синхронный перевод предпринимались в Швейцарии и Голландии в течение десяти лет (с 1928 по 1938). Наиболее успешно син-

хронный перевод был применен в двуязычном бельгийском парламенте в 1936 [1]. В России синхронный перевод впервые был применен в процессе шестого съезда Коминтерна в 1928, где переводчикам приходилось воспринимать речь на слух, так как наушники еще не вошли в широкое применение, несмотря на то, что запатентованы они были (как инструмент переводчика) в 1926 году фирмой IBM [2]. Но технические нюансы постепенно устранялись, оборудование совершенствовалось и уже в 1935 году, на XI международном медико-физиологическом конгрессе открывающую речь И.П. Павлова можно было слышать на трех языках [3].

Нюрнбергский процесс был предприятием международным – Франция, США,

Германия, СССР вынуждены были тесно сотрудничать, дискутируя о судьбах побежденных. Посему, нельзя не упомянуть тех, благодаря которым могло успешно осуществляться многостороннее взаимодействие между обвинителями и обвиняемыми. Речь идет о переводчиках-синхронистах.

Итак, к моменту проведения Нюрнбергского процесса метод синхронного перевода уже существовал, но с уверенностью можно утверждать, что на Нюрнбергском процессе этот метод прошел суровую проверку, боевое крещение. После Нюрнбергского процесса синхронный перевод, доказав свою неоспоримую эффективность перед другими подобными средствами, был использован при проведении Токийского процесса, где судили военных преступников со стороны Японии. Ныне же, без переводчиков-синхронистов немыслимо ни одно международное предприятие.

Перед началом процесса стартовал отбор переводчиков для участия в этом мероприятии. В США этой задачей занялся Госдеп, а если точнее, то одно из его подразделений – Главный департамент по переводам. Для привлечения кадров посредством СМИ было объявлено, что все желающие и обладающие соответствующими навыками могут явиться в Государственный департамент для прохождения тестирования. Очень многих заинтересовала перспектива участия в подобном процессе, что обуславливалось и исторической его значимостью и, конечно же, более чем солидным вознаграждением. На проходение тестирования пришли многие, но прошли его единицы, ведь тест представлял из себя не только крайне сложные вопросы по письменному и устному знанию языков, но и предъявлял требования к эрудиции, культурному уровню, уравновешенности. Но подходящих кандидатур было катастрофически мало, поэтому за считанные недели до начала процесса Госдеп снарядил поездку своих уполномоченных по Европе, где и произошел добор недостающих кадров [4].

Советская же сторона была убеждена, что США возьмет на себя выполнение всех технических нюансов, ведь процесс проходил в американской зоне оккупации. Но по приезду в Нюрнберг советская делегация узнала, что перевод разрешен лишь на свой родной язык. О подобном обстоятельстве было сообщено в Кремль, который поручил лихорадочный поиск синхронистов сотрудникам НКВД, которые сумели выполнить свою задачу менее чем за 12 часов [5].

Перевод на Процессе шел в синхронном режиме, поэтому русским переводчикам, секцию которых возглавлял Е. Гофман, приходилось проявлять поразительную реакцию и скорость, а если учитывать, что большая часть переводчиков были молодые, едва окончившие университет и даже с микрофоном дела не имевшие, то приходилось реализовывать весь свой талант и профессионализм как руководителям, так и подчиненным. Ведь на процессе такой значимости и масштаба важно было каждое слово.

Переводчикам-синхронистам приходилось, кроме перевода речей в зале суда, также осуществлять перевод бесед неформальных, осуществлять перевод тысяч документов, оказывать помощь в работе стенографисток и машинисток. В конце дня синхронисты переводили регламент завтрашнего выступления от обвинителей, обвиняемых и защиты. В конце каждого заседания они переводили на четыре языка стенограммы, составленные в течение дня. Работа, предстоявшая синхронистам в ходе процесса, казалось невероятной еще и по той причине, что советская секция переводчиков насчитывала всего 40 человек, в то время как американская – 600.

Надо отметить, что во время процесса советская делегация впервые в истории советского перевода осуществила «дуальную систему» перевода. Когда становилось ясно, что в очередной речи будет обилие информации статистической, речь пойдет крайне быстро или последует быстрый диалог между обвиняемым и обвинителем, то к первому

переводчику на помощь приходил второй, который осуществлял запись быстро идущей статистической или иной труднозапоминаемой информации, чтобы первый не отвлекался на запись во время перевода и не напрягал память, пытаясь вспомнить названные цифры, если запаздывал.

Каждая секция переводчиков переводила произносимые в зале суда речи на свой язык, в то время как американские синхронисты вели перевод немецкой речи. В стеклянных кабинках (всего их было 4), располагавшихся у скамьи подсудимых, находилось 3 переводчика (британский, русский, немецкий), каждый из которых брался за микрофон в зависимости от того, на каком языке велась речь. Нередко бывало так, что французские переводчики не произносили ни слова часами, в то время как переводчикам с немецкого приходилось весьма непросто – порой они вынуждены были без остановки, крайне напрягаясь, вещать по полтора-два часа, работая в 3–4 смены.

Интересно, что значительная часть переводчиков от США, Франции и Британии была эмигрантами из России, и при приветствии от них часто можно было услышать – «Граф Росинов, здравствуйте», «Князь, Воротнов, очень приятно». Пожалуй, самой яркой личностью из них был Лев Толстой, худощавый человек со смуглым лицом – внучатый племянник знаменитого русского писателя, работавший во французской секции. Зная, что среди его коллег будут и советские люди, он привез для российской делегации русский эмигрантский журнал, а также теплейшее приветствие от И. А. Бунина, рассказ которого «Белый понедельник» был в этом журнале опубликован и обсуждаем русской делегацией месяц по меньшей мере. Также упоминания, несомненно, достойна княжна Т.В. Трубецкая, являвшаяся главой русских переводчиков в американской секции. Впоследствии она окажет неоценимую услугу русской группе. Также англичане с американцами поддерживали строгую субординацию в своих секциях,

все было формализовано, в то время как русская группа работала в атмосфере дружеской, непринужденной [6].

Процесс перевода без эксцессов не обходился – в самые ответственные моменты, когда подсудимый говорил крайне быстро и неразборчиво, перенервничавший переводчик мог сорвать с себя наушники и громким восклицанием заявить, что так он работать не может (касалось подобное переводчиков, в основном, американских). Тогда совещание приходилось останавливать на 5–10 минут для разрешения проблемы. Для ликвидации подобного была введена система «оранжевого знака» – если переводчик не успевал за говорящим, то он делал знак рукой судье, и тот призывал говорящего снизить темп. Бывали проблемы чуть серьезнее, к примеру, забастовка стенографисток, требовавших повышения зарплаты, произошедшая в последних месяцах процесса. Искать новых работниц не было возможности, и их требования были удовлетворены [7].

Нельзя не вспомнить и такую проблему, с которой столкнулась русская секция: согласно регламенту трибунала заседание начиналось в десять часов утра; до его начала обвинитель передавал текст обвинения переводчикам своей группы, они же должны подготовить текст, переведя его на французский, английский и немецкий языки для передачи текста иноязычной защите обвиняемых. Но в этот раз советский обвинитель не имел возможности передать текст обвинения переводчикам заблаговременно по объективным причинам, следовательно, из-за опоздания, переводчики не успевали перевести текст на английский – из всей секции только два человека обладали соответствующими навыками. Иначе говоря, два переводчика должны были за один день перевести с русского языка на английский колоссальных размеров текст. Под угрозу был поставлен исход заседания и, соответственно, всего процесса. За помощью решили обратиться к американской группе, глава которой охотно согласился по-

мочь, но перевод был бы готов не раньше, чем через два дня, в то время как в распоряжении русской группы был лишь один. Глава американской делегации ссылался на то, что он не имеет права заставлять переводчиков работать в субботу (описываемый разговор произошел в пятницу). Спустя двадцать минут агрессивной полемики, американский глава решил позвать самих подчиненных ему переводчиков, чтобы они сами подтвердили, что переводить в выходной не будут. Но вопреки ожиданиям главы и к облегчению русской группы, руководитель американской секции, которая, как уже раньше говорилось, состояла из, по большей части, русских эмигрантов, со словами «Ничего невозможного тут нет, русские для русских все сделают» [8, с. 60] сделала работу, хотя сидеть им пришлось до глубокой ночи. Этим руководителем была княжна Т.В. Трубецкая [8]. Этот эпизод также показывал спадавшее расслоение среди русских людей, имевшее место быть после гражданской войны.

Но как же переводчики относились к тому, что они переводили, к подсудимым? Согласно устоявшемуся мнению, хороший синхронист тот, которого не замечают. На Процессе не редки были случаи эмоционального срыва как со стороны обвинителей, так и со стороны обвиняемых. Но в отличие от них, синхронист не имеет право на эмоцию. Тем не менее, бывали моменты, когда оставаться безэмоциональным было невозможно. При оглашении подсудимыми статистики уничтоженных узников концлагерей, синхронисты не редко останавливались, снимая наушники не в силах переводить от услышанного. Как рассказывал обвинитель от США Джон Паркер, молодая синхронистка семитской национальности не смогла сдержать безудержных рыданий при переводе подробного описания методов уничтожения в концлагерях, сквозь слезы она проговорила – «Эти... они убили почти всю мою семью», в итоге пришлось ей искать замену. Очень часто, рассказывали впоследствии синхронисты, хотелось

вместо перевода кричать в микрофон – «Да расстреляйте же его!!! Проклятый мерзавец не достоин дышать!!!» [9].

Здесь будет не лишним упомянуть отношения самих осужденных к переводчикам. К примеру, такая яркая личность, как Геринг (несмотря на то, что он публично восхищался системой синхронного перевода) не упускал ни единой возможности уязвить переводчика, выводя того из равновесия. Но в целом отношение подсудимых к синхронистам было преисполнено уважения, величали их не иначе, как «Господин переводчик», притом, что ни к судье, ни к обвинителям подобного почета не выказывалось. Не удивительно, ведь, как мы потом узнаем из мемуаров Альберта Шпеера, – «судебный зал был заполнен враждебными лицами, и лишь глядя в нишу переводчиков, мы порой могли увидеть ободряющий кивок» [9, с. 120].

Повествуя об эмоциональном фоне в среде переводчиков, необходимым будет упомянуть тот день, когда защитой обвиняемых был поднят катынский вопрос, тот день, который впоследствии был назван «Черным днем нюрнбергского процесса». Согласно современным исследованиям весной 1940 года сотрудниками НКВД в катынском лесу был произведен расстрел более чем 20 000 польских военнопленных. Как вспоминает Татьяна Сергеевна Ступникова (член советской секции переводчиков), на одном из заседаний защита обвиняемых внезапно подняла вопрос расстрела в Катыни, а судья, вопреки ожиданиям советских обвинителей, вынес решение удовлетворить запрос на доставку в зал суда свидетелей, среди которых наиболее значительным были полковник Фридрих Аренс, чья ставка располагалась в катынском лесу в 1942, и который по стечению обстоятельств нашел братскую могилу польских военнопленных. Несмотря на все попытки советской стороны опровергнуть аргумент о расстреле сотрудниками НКВД, все выдвигаемые опровержения результата не давали, посему, согласно предварительной договоренности, судья

лишил обвиняемых свободы слова касательно катынского вопроса, а все свидетельства защиты были объявлены недействительными. Но как же отреагировала на подобный инцидент русская делегация? В ее среде царил мрачная подавленность, переводчики не могли поверить в то, что они переводили. Согласно воспоминаниям Т.С. Ступниковой, переводить было очень сложно, многие испытывали стыд, смешанный со скорбью за свое многострадальное отечество, все сложнее было скрывать свои эмоции, оставаясь бесстрастным. Все сложнее было не отвлекаться на собственные рассуждения. Ведь поднятие катынского вопроса лишило стальной уверенности и непробиваемого спокойствия и судей, и обвинителей [5, с. 94].

В заключение стоит сказать, что и поныне работа переводчика-синхрониста является крайне сложным, напряженным и ответственным делом. Значение имеет каждое произнесенное слово. Помимо идеального знания языков, переводчик должен обладать ораторским мастерством, быть эрудированным и обладать значительными знаниями в обсуждаемом вопросе, необходимо иметь невероятную скорость и реакцию, уметь быстро думать для нахождения нужных слов. От переводчика требуется ежесекундно оставаться в состоянии крайней мобилизации физических и психологических ресурсов, ведь спустя 30–40 минут непрерывного перевода наступает утомление ротового аппарата – язык, губы перестают слушаться, наступает боль в голосовых связках, все сложнее становится четко произносить слова, кроме того скорость сердцебиения может достигать ста шестидесяти ударов в минуту, в то время как энцефалограф покажет предельную активность нейронов в соответствующих областях мозга. Поэтому через 30–40 минут работы мозг приводит в действие защитные механизмы – так называемую «мертвую зону», после наступления которой переводчик не может вести свою деятельность – необходим отдых. По этой причине на современных междуна-

родных длительных конференциях переводчики работают по 3–6 смен [10].

Но в распоряжении современных переводчиков-синхронистов находится целый ряд специального оборудования, инструкций, методов. Тем более колоссальным кажется сейчас подвиг, совершенный переводчиками-синхронистами на Нюрнбергском процессе. Это были невероятно умные, влюбленные в свою профессию люди, фанатики языка, которые несмотря на невероятную сложность работы, непростые условия и неформальности синхронного подхода смогли стать посредниками, лексическими мостами между тремя странами, взаимодействовавшими на Нюрнбергском процессе для достижения общей цели.

1. Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. Изд. 3. – М.: Изд-во URSS, 2009. – 208 с.

2. Berman S. / Michael W. Nation, Language, and the Ethics of Translation – Princeton.: Princeton University Press, 2005. – 413 с.

3. Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. Изд. 5 – М.: Изд-во URSS, 2009. – 208 с.

4. Матасов Р.А. Синхронный перевод на Нюрнбергском процессе // Вестник Московского университета. – 2008. – № 2. – С. 18–34.

5. Ступникова Т.С. Ничего кроме правды. Нюрнбергский процесс. Воспоминания переводчика. – М.: Изд-во «Возвращение». – 2003. – 200 с.

6. Гофман И.Д. Нюрнберг предостерегает. – Полтава.: Изд-во ЧП Говоров С., – 2007. – 376 с.

7. Звягинцев А.Г. Главный процесс человечества. – М.: Изд-во ОЛМА МедиаГрупп, 2012. – 653 с.

8. Рагинский М.Ю. Нюрнберг: перед судом истории. – М.: Политиздат, 1986. – 207 с., ил.

9. Gaiba, F. The Origins of Simultaneous Interpretation: The Nuremberg Trial. – Ottawa: University of Ottawa Press, 1998. – 281 с.

10. Ломб К. Как я изучаю языки. – М.: Аргамак, 1993. – 117 с.

1. Chernov G.V. Teoriya i praktika sinxronnogo perevoda. Izd. 3. – М.: Изд-во URSS, 2009. – 208 с.

2. Berman S. / Michael W. Nation, Language, and the Ethics of Translation – Princeton.: Princeton University Press, 2005. – 413 с.

3. Chernov G.V. Teoriya i praktika sinxronnogo perevoda. Izd. 5 – М.: Изд-во URSS, 2009. – 208 с.

4. Matasov R.A. Sinxronnyj perevod na Nyurnbergskom processe // Vestnik Moskovskogo universiteta. – 2008. – № 2. – S. 18–34.

5. Stupnikova T.S. Nichego krome pravdy. Nyurnbergskij process. Vospominaniya perevodchika. – M.: Izd-vo «Vozvrashhenie». – 2003. – 200 s.
6. Gofman I.D. Nyurnberg predosteregaet. – Poltava: Izd-vo ChP Govorov S., – 2007. – 376 s.
7. Zvyaginets A.G. Glavnyj process chelovechestva. – M.: Izd-vo OLMA MediaGrupp, 2012. – 653 s.
8. Raginskij M.Yu. Nyurnberg: pered sudom istorii. – M.: Politizdat, 1986. – 207 s., il.
9. Gaiba, F. The Origins of Simultaneous Interpretation: The Nuremberg Trial. – Ottawa: University of Ottawa Press, 1998. – 281 s.
10. Lomb K. Kak ya izuchayu yazyki. – M.: Argamak, 1993. – 117 s.
-

UDC 808.53

THE ROLE OF SIMULTANEOUS INTERPRETERS IN THE DISCOURSE OF NUREMBERG TRIALS

Hechoshvili Nikolay Robertovich,

Humanities and Education Science Academy (Branch)
of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta,
Institute of Economy and Management,
Second-year student,
Yalta, Crimea, Russia,
E-mail: 1234-nikolay@bk.ru

Annotation

Now, after many decades, now living Nuremberg process seems a mere formality, or feigned farce, but at the critical objective view of you know – it was and remains the most important trial in human history. It was a discussion between the accusers and the accused, between the two powers, two nations, two ideologies. But investigating this extraordinary phenomenon, often forget about those, thanks to whom the whole world knew about how fascism was defeated and condemned a second time, not by force of arms and the force of law. It is a simultaneous interpreter.

Key words:

Nuremberg Trials, fascism, simultaneous interpreters, justice.